

В.В. Каллаш

**Двенадцатый год в
воспоминаниях и переписке
современников**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Каллаш**
Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников / В.В. Каллаш –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 280 с.

ISBN 978-5-518-01132-8

ISBN 978-5-518-01132-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

У жизни, ушедшей «въ тьму вѣковъ», есть два врага: легенды ближайшихъ потомковъ и историческій анализъ позднѣйшихъ изслѣдователей. Первые окутываютъ туманомъ идеализаціи пеструю и яркую канву живого событія, обобщаютъ реальное въ прозрачное; второй разсѣкаетъ живую ткань, изъ одухотворенной клѣтки создаетъ мертвый препаратъ.

Но біеніе вѣчно умирающей и вѣчно возрождающейся жизни оставляетъ свои неизгладимые слѣды—въ перепискѣ и близкихъ къ событіямъ воспоминаніяхъ современниковъ, участниковъ, творцовъ историческаго момента.

Сквозь толщу противорѣчій и субъективной окраски всегда пробивается въ нихъ, при перекрестномъ допросѣ, свѣтъ жизненной правды.

Герценъ писалъ: «Письма больше, чѣмъ воспоминанія; на нихъ запеклась кровь событій—это само прошедшее, какъ оно было, задержанное и нетлѣнное». Еще глубже ту же мысль выразилъ кн. Вяземскій: «По мнѣ, въ предметахъ чтенія нѣтъ ничего болѣе занимательнаго, болѣе умилительнаго—чтенія писемъ, сохранившихся послѣ людей, имѣющихъ право на уваженіе и сочувствіе наше. Самыя полныя, самыя искреннія записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какимъ дышать и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ, на ту минуту, проговаривающейся рукою... Записки все-таки не что иное, какъ обдуманное возсозданіе жизни. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея. Какъ семейный и домашній бытъ древняго міра, внезапно остывшій въ лавѣ, отыскивается цѣликомъ подъ развалинами Помпеи: такъ и здѣсь жизнь, нетронутая и нетлѣнная, такъ сказать, еще теплится въ остывшихъ чернилахъ».

Чѣмъ позднѣе «обдуманное возсозданіе жизни», тѣмъ меньше въ немъ этой «нетронутости и нетлѣнности».

Наступающій юбилей Отечественной войны заставитъ насъ еще разъ возобновить въ своей памяти тотъ могучій толчокъ, который вызвалъ въ крѣпостнической тинѣ русской жизни живое и свѣжее движеніе, который генетически связанъ и съ декабристами, и со всѣми освободительными стремленіями

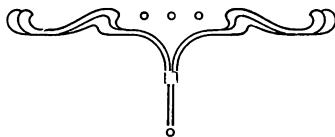
XIX вѣка, который смыкаетъ цѣпь между 12 годомъ, 19 февраля и 17 октября—въ его идеѣ, а не практическомъ осуществленіи... Пушкинъ съ прозорливостью пророка еще въ 1821 году писалъ о только что скончавшемся Наполеонѣ:

Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль...

Научная литература объ Отечественной войнѣ и теперь уже очень велика; приближающійся юбилей, несомнѣнно, пополнитъ ее рядомъ цѣнныхъ трудовъ, которые станутъ на высотѣ современной исторической науки. Намъ казалось полезнымъ воскресить живой голосъ участниковъ этихъ грандіозныхъ событій, ихъ воспоминанія и переписку. Дробить этотъ послѣдній матеріалъ по историческимъ рубрикамъ и схемамъ, игнорировать личности и ихъ отраженія было бы неосторожно: цѣльной картины все же не получилось бы, зато въ пестромъ калейдоскопѣ осколковъ замерла бы «теплота жизни», сбереженная «остывшими чернилами».

Цѣль настоящаго сборника—свести современнаго читателя съ воскресшими свидѣтелями далекаго прошлаго, представить, *въ разрывѣ*, какъ реагировало русское общество, отъ верховъ и до низовъ, на событія Отечественной войны. Ихъ «задержанное» навсегда чувство и «нетлѣнная» мысль скажутъ многое и дополнять то, что дастъ всесторонній (и все же односторонній) анализъ современнаго историка.

В. К.

Изъ записокъ графа Ѳ. В. Ростопчина.

Къ сожалѣнію, записки знаменитаго «градоначальника» Москвы, имя котораго органически слилось со многими легендами Отечественной войны, до сихъ поръ еще вполне не опубликованы. Въ печать попали только незначительные отрывки ¹⁾ изъ нихъ, все же представляющіе большой историческій интересъ. Страстный и пристрастный, Ростопчинъ всегда умѣетъ подойти къ предмету съ новой, неожиданной стороны и нѣсколькими штрихами нарисовать цѣлую картину. Благодаря ему «патріотизмъ» московскаго дворянства получаетъ совсѣмъ особое освѣщеніе; можно не соглашаться съ его оцѣнкой и характеристикой Кутузова, но для нихъ тогда у Ростопчина было слишкомъ много данныхъ: гибель Наполеона, ретроспективно, многое измѣнила въ прежнихъ взглядахъ...

Изъ-за отрывочныхъ фактовъ и фразъ часто у Ростопчина проглядываетъ жесткая правда жизни, стертая потомъ идеализованными образами легенды. Къ нимъ стоитъ прислушаться...

Въ минуту, когда губернской предводитель ²⁾ кончилъ свою рѣчь ³⁾, нѣсколько голосовъ воскликнуло: «Нѣтъ! не по четыре со ста, а по сту съ тысячи, вооруженныхъ и съ продовольствіемъ на три мѣсяца». Большинство собранія съ громкими криками повторило эти слова. Государь благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Теперь надо изяснить поводы этой необыкновенной щедрости. Предложеніе губернскаго предводителя было справедливо и благоразумно; но два голоса, первые захотѣвшіе дать больше, чѣмъ было предложено главою дворянства, принадлежали двумъ весьма различнымъ лицамъ. Одинъ былъ человѣкъ очень умный и предлагалъ мѣру, которая ему ничего не стоила: у него не было никакой собственности въ Московской губерніи. Другой, человѣкъ съ здоровыми легкими, былъ подлый, глупъ и дурно принятъ при дворѣ. Онъ предлагалъ мнѣ свой голосъ за честь быть приглашену къ императорскому обѣду. И вотъ, какъ можно увлечь собранія, и какъ часто они рѣшаютъ и дѣйствуютъ по одному увлеченію и безъ размышленія! Какъ часто человѣкъ превознесенъ до облаковъ газетами и біографіями за дѣйствіе

¹⁾ Сборникъ «XIX вѣкъ», «Русскій Архивъ».

²⁾ Ген.-маіоръ В. Д. Арсеньевъ.

³⁾ Къ московскимъ дворянамъ, по поводу дополнительнаго набора рекрутъ для борьбы съ Наполеономъ, въ московскомъ Благородномъ Собраніи.

или слово, хотя, быть-можетъ, онъ тотчасъ же раскаялся въ своемъ поступкѣ или въ словѣ, имъ произнесенномъ.

Въ другой залѣ, гдѣ было купечество, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое произвело на нихъ чтеніе манифеста. Вначалѣ слушали съ глубочайшимъ вниманіемъ; потомъ стали появляться знаки нетерпѣнія и негодованія. Когда Шишковъ дошелъ до словъ, «что непріятель приближается съ лестью на устахъ и съ оружіемъ въ рукахъ», произошелъ взрывъ негодованія: били себя въ голову, рвали волосы, ломали руки; слезы бѣшенства текли по лицамъ, напоминавшимъ древнихъ героевъ. Я видѣлъ человѣка, который скрежеталъ зубами. Въ шумѣ нельзя было разслышать словъ; слышны были одни вопли и крики негодованія. Это было зрѣлище единственное въ своемъ родѣ. Въ эту минуту русскій человѣкъ выражалъ свои чувства свободно; онъ забывалъ, что онъ рабъ, и возмущался при мысли, что ему угрожаетъ иноземное иго. Тутъ опять выступили наружу истинно-русскія свойства. Эти люди сохранили и одежду и характеръ народа; ихъ бороды придавали имъ почтенный и величественный видъ. Подобно предкамъ, у нихъ не было другихъ правилъ, другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые выражаются въ слѣдующихъ четырехъ поговоркахъ, служащихъ для нихъ основою всѣхъ, и добрыхъ и дурныхъ, поступковъ:

Великъ русскій Богъ,
Служить царю вѣрой и правдой,
Двумъ смертямъ не бывать,
Чему быть, того не миновать.

Московскій городской голова, имѣя 100 тысячъ рублей капитала, первый подписалъ 50.000 рублей. Онъ перекрестился, сказавъ: «Мнѣ Богъ далъ, я отдаю Отечеству».

Я возвратился въ Кремль, чтобы доложить Государю эту добрую вѣсть (32.000 ратниковъ и пожертвованія въ 2.400.000 р.). Я засталъ его въ кабинетѣ съ Балашовымъ¹⁾ и Аракчеевымъ. Его Величество сказалъ мнѣ, что онъ счастливъ тѣмъ, что возымѣлъ мысль пріѣхать въ Москву и меня назначить генераль-губернаторомъ. Потомъ, когда я откланивался, онъ съ чувствомъ обнялъ меня. Когда я вышелъ, Аракчеевъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что я получилъ величайшій знакъ милости государевой; «ибо,—прибавилъ онъ,—я служу ему съ самаго его воцаренія, и онъ ни разу меня не обнялъ». А Балашовъ сказалъ мнѣ: «Будьте увѣрены, что графъ никогда не забудетъ и никогда не проститъ вамъ этого объятія». Въ ту минуту я смѣялся, но впослѣдствіи я имѣлъ вѣрныя доказательства, что министръ полиціи былъ правъ, и что онъ лучше меня зналъ графа Аракчеева.

Я засталъ князя Кутузова (въ Филяхъ, въ 3 верстахъ отъ Москвы), сидящаго и грѣющагося у огня; его окружали генералы; адъютанты являлись за приказаніями. Иныхъ онъ отсылалъ къ Барклаю, другихъ къ Беннигсену, иногда къ Толю (квартирмейстеру), своему любимцу, человѣку, достойному своего мокровителя. Кутузовъ принялъ меня съ великою учтивостью и отвелъ въ сторону. Мы остались вдвоемъ въ продолженіе полчаса. Тутъ съ этимъ человѣкомъ былъ у меня любопытный

¹⁾ Министръ полиціи.

Графъ Ростопшинъ
Первый президентъ въ
Кавказе и членъ Императорскаго
Сената. Директоръ въ
Всё Императорское
и Российское войско.

Comte de Rostopshin
Premier Ministre des affaires
étrangères, Directeur général
des postes de l'Empire,
Membre des deux Conseils
Chevalier de plusieurs ordres.

разговоръ, ясно показывающей всю низость, всю неспособность, всю трусость предводителя нашихъ армій, которому довѣрили спасеніе Отечества и который ничѣмъ незаслуженно получилъ титулъ Спасителя Россіи. Онъ объявилъ мнѣ, что рѣшается здѣсь же дать сраженіе Наполеону. Я замѣтилъ, что мѣстность сзади позиціи, имѣ занимаемой, идетъ довольно крутымъ склономъ до самаго города; если наши войска хотя немного подадутся назадъ, они, какъ ни попало, вмѣстѣ съ неприятелемъ, войдутъ въ московскія улицы, что собрать оттуда нашу армію будетъ невозможно и что онъ рискуетъ погубить ее всю. Онъ продолжалъ меня увѣрять, что его не принудятъ перемѣнить позицію, но что если случится, что ему необходимо будетъ отступить, онъ отойдетъ къ Твери. На мое замѣчаніе: «тутъ будетъ недостатокъ въ свѣстныхъ припасахъ», у него вырвалось: «но надо помнить о Сѣверѣ и прикрывать его». Онъ имѣлъ въ виду резиденцію Императора и не обращалъ вниманія на двѣ вещи: первое, если корпусъ Витгенштейна будетъ уничтоженъ, маршалъ Сенъ-Сиръ будетъ въ Петербургѣ гораздо прежде него; второе—занявъ Москву, Наполеонъ не вздумаетъ отважиться на шестинедѣльный сентябрьскій походъ съ цѣлью въ концѣ октября овладѣть Петербургомъ. Кромѣ того, направляясь по тверской дорогѣ, Кутузовъ отдѣлялся отъ всѣхъ своихъ запасныхъ силъ; неприятель овладѣвалъ всею странюю до Чернаго моря. Я спросилъ Кутузова, не думаетъ ли онъ направиться по калужской дорогѣ, по которой шли запасы изъ внутреннихъ губерній. Онъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво. Онъ сказалъ, что послѣ Бородинскаго сраженія корпусъ короля неаполитанскаго принялъ это направление, и что онъ желалъ бы избѣгнуть встрѣчи съ нимъ. Потомъ онъ началъ пустословить о сраженіи, которое онъ дастъ; просилъ меня пріѣхать послѣзавтра съ архіепископомъ и двумя чудотворными иконами Божіей Матери. Онъ говорилъ, что желалъ бы пронести ихъ по всѣмъ войскамъ, чтобы духовенство прочло молитвы и окропило бы святою водою всѣхъ воиновъ; просилъ прислать ему нѣсколько бутылокъ вина; увѣрять меня, что завтра ничего не будетъ, «ибо (прибавилъ онъ) я знаю методу Наполеона: сегодня вечеромъ онъ остановится, цѣлый день дастъ отдохнуть войскамъ, послѣзавтра развѣдаетъ мѣстность и на слѣдующій день сдѣлаетъ нападеніе»...

Мы возвратились съ нимъ къ огню, гдѣ собрались и спорили генералы. Доктуровъ, которому приходилось начальствовать лѣвымъ флангомъ, пришелъ доложить, что не было возможности провести артиллерию по причинѣ крутыхъ береговъ рѣки и крутой горы. Я разговаривалъ съ Барклаемъ, который сказалъ мнѣ: «Вы видите, что хотятъ дѣлать! Если сдѣлаютъ глупость и будутъ сражаться на этомъ мѣстѣ, единственное, чего я желаю—это, чтобы меня убили». Беннигсенъ¹⁾, котораго я не видалъ съ кончины императора Павла, подошелъ ко мнѣ. Я превозмогъ ужасъ, который внушалъ мнѣ этотъ глава враговъ моего благодѣтеля, и я узналъ отъ него, что онъ не вѣритъ сраженію, которое возвѣщалъ Кутузовъ; что они сами еще не знаютъ, сколько находится войска въ строю, что отступление необходимо, и что за нимъ послѣдуетъ занятіе Москвы неприятелемъ».

¹⁾ Одинъ изъ участниковъ убійства Павла I.

Гр. О. В. Ростовчинъ.

лемъ. Солдаты были мрачны, офицеры унылы. Смятеніе было страшное; каждый давалъ свои совѣты; вездѣ спорили...

Въ 11 часовъ мнѣ доложили о пріѣздѣ герцога Виртембергскаго и принца Августа Ольденбургскаго. Одинъ былъ генераль-аншефъ, другой—генераль-лейтенантъ; оба состояли при арміи. Они пріѣхали звать меня, чтобы я вмѣстѣ съ ними отправился къ Кутузову и убѣждалъ его не оставлять Москвы и дать сраженіе. Объясненіе мое было короткое. Я спросилъ, на военномъ совѣтѣ настаивали ли они на необходимости драться. Они отвѣчали мнѣ, что не были даже приглашены на совѣтъ. Тогда я замѣтилъ Ихъ Высочествамъ, что, будучи—одинъ дядею, другой двоюроднымъ братомъ Государя, они гораздо болѣе меня имѣютъ право заставить Кутузова перемѣнить намѣреніе; что, кромѣ того, у меня до утра столько дѣла, что я не могу пожертвовать 5 часами на поѣздку, которая, какъ я предвижу, будетъ безполезна. Ихъ Высочества сказали мнѣ, что они были у фельд-маршала, но что Кутузовъ спалъ, и ихъ не допустили. Послѣ сильныхъ жалобъ и осужденій главнокомандующаго они оставили меня, проникнутые горестію и озадаченные оставленіемъ Москвы.

Мой ординарецъ возвратился и сказалъ мнѣ, что Милорадовичъ съ нашимъ аррьергардомъ проѣхалъ по Арбату, и что за нимъ долженъ слѣдовать неприятельскій авангардъ. Я слѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ Рязанской заставѣ. Подлѣ Яузскаго моста я встрѣтилъ князя Кутузова съ его приближенными. Я поклонился и не хотѣлъ вступать съ нимъ въ разговоръ; но онъ, привѣтствуя меня (что могло показаться насмѣшкою), сказалъ: «могу васъ увѣрить, что я не удалюсь отъ Москвы, не давъ сраженія». Я ничего не отвѣчалъ: отвѣчать на вздоръ было бы глупо.

Прежде чѣмъ я доѣхалъ до Яузскаго моста, я былъ остановленъ нѣсколькими офицерами, которые шли иѣшкомъ и были

ранены. Они попросили меня дать имъ денегъ. Я отдалъ все, что со мною было, но желалъ бы дать гораздо болѣе. Они благодарили меня со слезами на глазахъ. У меня текли слезы: мнѣ было горько видѣть израненныхъ офицеровъ, принужденныхъ просить милостыню, чтобы не умереть съ голоду.

Пріѣхавъ къ заставѣ, я съ трудомъ могъ пробраться: столько столпилось каретъ и войскъ, спѣшившихъ выйти изъ города. Въ ту минуту, когда я выѣзжалъ за заставу, раздались три пушечные выстрѣла, разгонявшіе толпу. Выстрѣлы эти были знакомъ, что непріятель занялъ столицу, и возвѣстили мнѣ, что я уже больше не градоначальникъ. Я оборотилъ лошадь и благоговѣнно поклонился этому первому городу Русской Имперіи. Въ ней я родился, былъ ея охранителемъ; долгъ мой былъ исполненъ, совѣсть моя была чиста; но горестъ сжимала меня, и я принужденъ былъ завидовать русскимъ, убитымъ подъ Бородинымъ: они не были, по крайней мѣрѣ, свидѣтелями торжества Наполеона.

Мои воспоминанія о 1812 годѣ.

Автобіографическая записка П. А. Тучкова.

Извѣстная своимъ правдолюбіемъ и трагической судьбой семья Тучковыхъ (коренные москвичи) выдвинула нѣсколько крупныхъ дѣятелей Отечественной войны. Одинъ изъ нихъ Павелъ Алексѣевичъ, впоследствии предсѣдатель Комиссіи прошений и членъ Государственнаго Совѣта († 1858), оставилъ свои безхитростныя, полныя суровой правды и благороднаго патриотизма, записки о пережитомъ¹⁾. Онѣ даютъ прекрасную, хотя и сжатую, картину военныхъ событій до взятія Смоленска. Подъ Смоленскомъ Тучковъ попалъ, раненый, въ плѣнъ, и съ этого момента его личныя наблюденія прекращаются. Большой историческій интересъ представляетъ его разговоръ съ Наполеономъ, во весь ростъ, со всѣми его сильными и слабыми сторонами, рисующій яркую фигуру «великаго корсиканца».

Передъ началомъ кампаніи 1812 года я былъ бригаднымъ генераломъ 2-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи. Бригаду мою составляли: Бѣлозерскій и Вильманстрандскій пѣхотные полки; бригада находилась, какъ и вся дивизія наша, во 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Багровута. Корпусъ расположенъ былъ близъ мѣстечка Янова, по правому берегу рѣки Вили; бригадная моя квартира была въ селеніи Забѣлинѣ, принадлежащемъ графу Воловичу.

Хотя всѣ увѣрены были, что война съ французами неизбежна, ибо знали, что Наполеонъ самъ прибылъ уже къ войскамъ своимъ, приближавшимся къ границамъ нашимъ; но пріѣздъ въ Вильну адъютанта его генерала Нарбонна и отъѣздъ генераль-адъютанта Балашова къ Наполеону подавали какую-то надежду, что на-

¹⁾ Онѣ были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г.

чавшіеся переговоры могутъ отклонить, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, военныя дѣйствія, какъ вдругъ 13 числа юня, въ три или четыре часа пополудни, получаю я повелѣніе отъ генерала Багговута, чтобы безъ малѣйшей медленности съ бригадою моею идти къ мѣстечку Оржанишки и, принявъ подъ начальство мое находившіяся тамъ войска, защищать устроенный на рѣкѣ Вилии близъ онаго мѣстечка мостъ (въ концѣ повелѣнія генераль Багговутъ приписалъ своей рукой: «скажу вамъ, что вчерашній день непріятель перешелъ чрезъ Нѣманъ и занялъ городъ Ковно»); въ случаѣ же невозможности защитить оный, сжечь, не допуская никакъ непріятели овладѣть переправою. Собравъ расположенные по разнымъ селеніямъ полки мои и артиллерію, выступилъ я съ оными къ назначенному пункту и на разсвѣтѣ 14 числа прибылъ въ мѣстечко Оржанишки, гдѣ нашель три роты артиллеріи, Курляндскій драгунскій полкъ и команду гвардейскаго морского экипажа, состоящую изъ одного унтеръ-офицера и 12 человекъ рядовыхъ, подъ командою мичмана Валуева, кои находились тутъ при построеніи вышеописаннаго моста чрезъ Вилию. По прибытіи моемъ на мѣсто, тотчасъ занялся я расположеніемъ артиллеріи, дабы въ случаѣ непріятельскаго нападенія могла оная съ выгодною дѣйствовать. Нашъ берегъ рѣки былъ выше и командоваль противулежащимъ, а потому вся артиллерія и поставлена была по оному; по другую же сторону рѣки оставлены были только одни извѣщательныя посты. Между тѣмъ приказаль я мичману Валуеву собрать сколь можно болѣе соломы, сухого хвороста и смоляныхъ бочекъ и все оное разложить на мосту, дабы, въ случаѣ надобности, можно было въ самой скорости исполнить предписание корпуснаго командира; тѣмъ болѣе сие нужно было, что плочучій мостъ былъ построенъ изъ толстыхъ сплоченныхъ сосновыхъ бревень, кои, бывъ налитаны водою, скоро горѣть не могли.

Въ два часа пополудни получилъ я повелѣніе зажечь мостъ и, по совершенномъ истребленіи онаго, отступить со всѣмъ отрядомъ и присоединиться къ корпусу, оставя для надзора и извѣщенія о движеніяхъ непріятели по берегу рѣки Вилии Курляндскій драгунскій полкъ, что мною и было исполнено въ точности: мостъ зажженъ, и когда былъ совершенно истребленъ, то я, отступя отъ мѣстечка Оржанишки верстъ восемь, нашель весь второй корпусъ уже собравшимся, къ коему и присоединился. Въ тотъ же день, вслѣдствіе повелѣнія главнокомандующаго арміями генерала-отъ-инфантеріи Барклая-де-Толли, начали мы отступление наше чрезъ селеніе Лабонари и другія къ мѣстечку Колтынямъ, куда и прибыли 17 числа; 18 число оставались на мѣстѣ, но въ ночь выступили по дорогѣ къ городу Дриссѣ. При вступленіи нашемъ приказано было мнѣ сжечь вновь выстроенныя въ Колтыняхъ провіантскіе магазины, наполненные провіантомъ, что мною и было сдѣлано: болѣе чѣмъ на миллионъ руб. хлѣба истреблено огнемъ въ нѣсколько часовъ.

Вся 1-я армія, кромѣ 1-го корпуса, бывшаго подъ начальствомъ генер.-отъ-кавалеріи гр. Витгенштейна, 29 юня соединилась въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ городомъ Дриссою, на обѣихъ сторонахъ рѣки Двины расположенномъ. Тутъ я получилъ повелѣніе, не доходя главной позиціи версты за двѣ, остановиться съ ввѣренною мнѣ бригадою на боковой дорогѣ и состоять подъ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Палена 2-го, коему извѣ-

рено было начальство надъ аріергардами арміи, расположенной въ укрѣпленномъ лагерѣ при городѣ Дриссѣ.

Укрѣпленія лагеря сего на лѣвомъ берегу рѣки Двины состояли изъ шести редутовъ, прикрывавшихъ фронтъ арміи; оба фланга примыкали къ Двинѣ, ибо рѣка отбекала мѣсто сіе дугою. Для соединенія съ правымъ берегомъ позади позиціи были устроены чрезъ рѣку четыре моста и для защищенія оныхъ—мостовыя укрѣпленія. Все сіе было построено задолго еще предъ начатіемъ военныхъ дѣйствій, съ большимъ тщаніемъ и издержками, и хотя главнокомандующій объявилъ приказомъ своимъ по арміи, что надѣется на мѣстѣ семь ископать непріятелю могилу, но за всѣмъ тѣмъ всякій видѣлъ неудобство сего столь тщательно укрѣпленного лагеря; ибо, оставляя уже то, что въ тылу арміи протекала столь значительная рѣка, какова Двина, и чрезъ которую переправа, въ случаѣ потери сраженія, могла бы быть весьма затруднительна и что весь фронтъ позиціи нашей закрывалъ густой лѣсъ, могущій во время сраженія совершенно скрывать всѣ движенія непріятеля, но онъ могъ переправиться чрезъ Двину и выше и ниже сего мѣста и симъ однимъ движеніемъ заставить насъ оставить укрѣпленія наши, воздвигнутыя съ столь многими трудами и издержками.

Въ это время былъ назначенъ начальникомъ штаба арміи генераль-лейтенантъ Паулуччи, который, я помню, отдавая по службѣ мнѣ нѣкоторыя приказанія и говоря объ лагерѣ, безпрестанно ошибался будто бы, называя оный мѣсто лагеря подъ Дриссою лагеремъ подъ Пирною, давая тѣмъ понимать худое его объ ономъ мнѣніе и что съ нами можетъ то же случиться, что съ саксонцами подъ Пирною ¹⁾.

Не знаю, кому, ему ли, Паулуччи, или другому кому, обязаны мы тѣмъ, что оставили сію позицію, не ожидая на оной непріятеля, и что, несмотря на отданный приказъ главнокомандующаго, которымъ онъ торжественно объявилъ, что болѣе не уступитъ уже ни на шагъ земли непріятелю; 2 числа іюля армія отступила чрезъ Двину, по дорогѣ къ Полоцку. Мнѣ приказано было принять начальство надъ всѣми войсками, оставшимися еще по отступленіи арміи въ мостовыхъ укрѣпленіяхъ, и, въ случаѣ нападенія, удерживать оныя до прибытія войскъ перваго корпуса, подъ командою генерала Витгенштейна, но какъ непріятель еще не показывался, а 1-й корпусъ прибылъ, то я въ тотъ же день, оставя укрѣпленія, присоединился къ арміи, съ кою и слѣдовалъ уже чрезъ Полоцкъ до города Витебска, куда и прибыли мы 11 числа іюля мѣсяца.

Армія, пришедъ въ Витебскъ, расположилась на бивакахъ по обѣ стороны рѣки Двины. Второй нашъ корпусъ и второй кавалерійскій оставались на правомъ берегу при самомъ городѣ; прочія же войска, перейдя рѣку, расположились по дорогѣ, идущей на мѣстечко Бѣшенковичи.

Хотя витебскіе провіантскіе магазины и наполнены были мукою, но для перепеченія оной и изготовленія для арміи сухарей никакихъ предварительныхъ мѣръ взято не было; а потому приказано было отрядить изъ полковъ значительное число людей для печенія хлѣбовъ и сушенія сухарей; вся же армія 12 и 13

¹⁾ Въ началѣ Семилѣтней войны, когда саксонцы при подобныхъ условіяхъ были разбиты.